

Глава 1

Облака спускались к морю, как белые овечки — к водопою, с высоких гор, по выжженному солнцем небосклону. Неслись к горизонту и крикливые чайки с их директорской важностью и вороватыми повадками.

На балконе отеля стояла стройная, русоволосая, не первой молодости женщина в мешковатом платье мышино-серого цвета. Ее взгляд скользил вниз по склону прибрежной горы. В руке широкополая розовая шляпа, в ногах чемодан в упаковочной пленке, за плечами дальняя дорога. Полина и хотела бы увидеть главное, за чем приехала, но вид на море почти полностью закрывали горы, обступившие отель с трех сторон.

Южный склон обрывался над морем, западный переходил в ущелье, которое отделяло одну прибрежную гору от другой. На этой другой горе, возвышаясь над морем, с трех сторон охваченный зеленой порослью, в ярком солнечном свете белел каменный выступ, на кото-

ром стоял человек — то ли в пробковом шлеме, то ли с «пельменем» на голове. Расстояние не позволяло разглядеть его в подробностях, более того, возможно, это и не человек вовсе, а сухое дерево с обломанными ветками. Зрение у Полины острое, но слишком уж далеко до белого камня.

Если это все-таки человек, то стоял он на самом краю обрыва и смотрел вниз, приложив правую руку к уху, возможно, разговаривал по телефону. Полине тоже вдруг захотелось оказаться на этой скале в объятиях семи ветров и глянуть на море с шаткой высоты. Она повернула голову вправо, взглядом отмерила расстояние до контрольно-пропускного пункта, мысленно прошла путь до развилки. Одна дорога, петляя в горах, тянулась к поселку, другая, узкая, уходила к ущелью, возможно, тянулась до самого утеса.

Полина пожалала плечами. Хватит ли ей настроения на такую авантюру? Она ведь даже толком не заселилась: ключ от номера получила, но горничная не закончила уборку, просила немного подождать, вот и пришлось выйти на общий балкон. Родной дом остался далеко позади, а проблемы отправились в путь вслед за ней — догоняют, наваливаются, загружая сознание. С работой не все гладко: не заладилось с новым начальством, как бы не уволили, пока она в отпуске. А еще дочек в школу собирать, одежду покупать, ранцы, карандаши, пеналы — до копейки придется потратиться, на какие шиши потом жить, если сократят?..

Полина не хотела ехать на юг, но мама сбила ее с толку, оплатила тур, перевезла детей к себе, са-

ма собрала чемодан и фактически выставила дочь за дверь. Полине уже тридцать шесть, возраст для женщины, можно сказать, критический, и годы проходят мимо, и женихи. Она работала в женском коллективе, не складывался у нее служебный роман, но вдруг повезет с курортным? Может, и выплывет что-то, если стоять на берегу и ждать у моря погоды. Желательно с удочкой, но это вряд ли.

— С ума сошел? — До слуха донесся женский голос: и возмущение в нем, и кокетство.

Лоджия с торца корпуса разделялась на две не совсем равные половины. На большую выходила общая дверь и окна однокомнатного люкса, который находился справа по коридору. С этой же половины можно было попасть на пожарную лестницу, пронизывающую балконы от крыши до самой земли. Левая половина лоджии принадлежала двухкомнатному люксу. Видимо, дверь в этот номер была приоткрыта, и Полина снова услышала женский голос.

— Сейчас Леша придет!

И еще слух уловил, как скрипнула кровать, кто-то кого-то на нее посадил. Или даже уложил.

— Ему же будет хуже!

Мужской голос стремительно приближался, Полина повернула голову и увидела, как сдвигается штора за дверью, как появляется мужская волосатая рука. Прежде чем отвернуться, она успела заметить на запястье часы — с темным стеклом и светящимися цифрами под ним.

Дверь с легким стуком задвинулась, стало тихо, только чьи-то растрепанные ветром голоса до-

носились снизу да растопленный на солнце звонцикад приятно щекотал слух. Вместе с дверью захлопнулся и ларчик с тайной на двоих, о которой, возможно, мог узнать третий, некто Леша. Возможно, муж.

Полина качнула головой, указательным пальцем касаясь подбородка. Кому-то муж и любовник, а кому-то ни того, ни другого. Но уж лучше маяться в одиночестве, чем так бурно жить. Наверное... У нее были мужчины, она ни разу никому не изменила, и к чему это привело? Ни мужа, ни любовника...

Горничная закончила с уборкой, позвала в номер, из жары на открытом воздухе Полина переместилась в кондиционированную прохладу коридора. Ей выпало жить в секторе люкс-класса, только вот номер элитным не назовешь. Санузел обычный, стандартный, а площадь комнаты половинила шахта лифта, находящегося за стеной. Вместо шкафа — вешалка, вместо трюмо — полка под зеркалом, на тумбочке стоял маленький телевизор, который Полина едва не столкнула на пол, вкатывая в комнату чемодан.

— Здесь раньше прислуга жила, — вздохнула горничная, средних лет, измотанная работой женщина, худая, как злая судьба.

В ее грустной улыбке угадывалось и чувство вины, и сожаление, но вместе с тем и тихое, возможно, даже безотчетное злорадство.

— И что? — Полина посмотрела на нее с подозрением и обидой.

Она женщина мягкая, покладистая, но задевать ее самолюбие вовсе не обязательно. Глаза она выцарапывать не станет, но коготки показать может.

— Да нет, ничего, — заметно смутилась горничная. — Просто номер одиночный, и вы одна.

— Одиночной бывает камера, — нахмурилась Полина. — Тюремная.

— Извините.

Женщина поспешила ретироваться, и Полина мысленно поблагодарила ее за это. Хотелось побыть одной, прийти в чувство после долгого утомительного переезда, привыкнуть к новой обстановке. Ну и, конечно же, позвонить маме. Неплохо было бы «поблагодарить» ее за «чудесный» номер, но стоит ли портить настроение и ей, и себе?

За стеной послышался шум: включился электродвигатель и закрутились лебедки. Со своим первым гражданским мужем Полина жила у самого аэропорта, со вторым — у железной дороги, сначала ее доставал шум взлетающих над головой самолетов, затем — грохот проносившихся мимо поездов, теперь вот лифт, но это ненадолго, через две недели, если не раньше, от этого номера останется только воспоминание, хорошо, если приятное.

Полина распаковала чемодан, кое-как разложила вещи, заставила полку под зеркалом баллончиками, флакончиками, пузырьками. Возраст не волк, но приходится от него прятаться — за слоем косметики, который с каждым прожитым годом будет становиться все толще.

Разместилась, распаковалась, расфасовалась, села на кровать и застыла как статуя. В душ надо

идти, а усталость, будто камень в ногах, не дает подняться. Душ принять, накраситься, надеть новый пляжный сарафан — и к морю. Но это нужно двигаться, шевелиться, когда так хочется прилечь. А разве ей кто-то запрещает зарыться головой в подушку?

Полина иронично усмехнулась. Да, сейчас она свободный человек — от всех и даже от самой себя. И жениха искать не хотела, отправляясь сюда, да и сейчас нет желания, значит, знакомство с морем вполне можно отложить до завтра. Но пляжным сарафаном она тем не менее обзавелась. И купальник у нее такой же новый. Значит, все-таки теплелось в ней курортное настроение, и сейчас даже не надо делать над собой усилие, достаточно просто расслабиться, и тлеющий уголек вспыхнет ярким пламенем.

И все же усилие она сделала, заставила себя подняться с кровати. Нужно было идти в душ, а ее понесло на балкон.

Номер урезанный, зато балкон полноценный, два кресла там и сушилка для белья. Правда, вид на море открывался с другой стороны здания. Если с общего балкона она могла видеть хотя бы тонкую полоску моря, то здесь ничего, кроме гор. В обзор попадал и белеющий над морем каменистый утес, нужно было всего лишь повернуть голову влево. В этой же стороне находился и балкон соседнего номера — однокомнатного люкса.

Перегородка между лоджиями едва достигала уровня плеча, и Полина смогла увидеть самого соседа. Мужчина выходил на балкон пружини-

стой походкой энергичного человека. Немолодой, наверняка за сорок, но свежий, стройный, подтянутый. Правильные черты лица, высокий лоб, прямой тонкий нос, небольшой шрам на виске удлинял и без того роскошную правую бровь. В черных волосах едва заметно проблескивала благородно-серебряная седина. В глазах спокойствие и мудрость выдавшего виды человека, только вот с Полиной мужчина повел себя не очень умно. Скользнул по ней оценивающим взглядом, но в лице не изменился. Не понравилась она ему, но вид сделал, будто вовсе не увидел ее. И пальцем крутнул перед носом: забыл что-то в номере, вспомнил, нужно вернуться. Обращался он при этом исключительно к самому себе, ведь Полина для него не существовала.

Сосед скрылся в номере, и она сконфуженно поджала губы. Ну да, вид у нее неважный, замотанный, растрепанный, но зачем же так явно выражать свое пренебрежение?

Мужчина мог появиться снова, и Полина сделала вид, будто смотрит на скальный утес. И заставила себя улыбнуться, представив, как прыгает с него в бездну. Никогда. Никогда она не наложит на себя руки ради мужчины. Даже если вдруг потеряет голову от любви. Это просто смешно. И преступно, когда в жизни есть ребенок.

Но все же она прыгнула. С пляжного пирса. В море. Ради себя. Полина не стала принимать душ и краситься, а сразу же отправилась на пляж. И с ходу в море, с головой. Волосы от корней до кончиков намочила, зато встряхнулась изнутри.

И кровь повеселела, получив пусть и крохотную, но все же бодрящую порцию адреналина.

Море показалось холодным, но у Полины все равно возникло чувство, будто она попала в объятия жаркого лета. Под водой весело забулькало, привет от Нептуна, а когда она вынырнула, в ушах зазвенел звонкий детский смех — под аккомпанемент мужских и женских голосов. Полина не удержалась и поздравила себя. Отпуск начался еще на прошлой неделе, но активировала она его только сейчас. И почувствовала себя юной девушкой, веселой и беззаботной. Вспомнила, как отдыхала на море с Юрой, ей тогда было всего девятнадцать лет, они резвились, как дети, сигая в море с такого же пирса.

У Юры уже другая, законная семья, он и повзрослел, и располнел, а она все такая же стройная. И свободная. Не хватало только настроения, а, может, и желания вернуть былую подвижность. И даже молодость. Но сейчас настроение не просто поднялось, оно вдруг ударило, как кровь, в голову.

Полина и не заметила, как снова оказалась на пирсе, на этот раз она прыгнула в воду не «солдатиком», а «ласточкой». В следующий заход усложнила себе задачу и разогналась для прыжка.

Это была самая настоящая омолаживающая процедура, в следующий раз, разгоняясь, Полина чувствовала себя двенадцатилетней девочкой, может, потому и забыла об осторожности. Поскользнулась, потеряла скорость, направление и шлепнулась в воду возле самого пирса, больно стукнувшись ногой. А шлепнулась рядом с мужчи-

ной, который чинно, расслабленным брасом подгребал к лестнице с поручнями.

Она обрызгала мужчину с головы до ног, а он уже немолодой, голова седая, на лбу глубокая морщина. Но взгляд бодрый, не мухоморный. Он благодушно улыбнулся, глядя на Полину глазом, в который не попали брызги.

— Извините!

Полина вернулась в привычный образ умудренной возрастом женщины, примерной матери двоих детей, и ей стало стыдно за свое поведение. И боль в ноге она восприняла как наказание за свою глупость.

— Да ничего.

Но боль эта пугала. Вдруг там кровь из раны хлещет или кость сломана. Полина подняла ногу, высунула ступню из воды, но увидела только небольшую ссадину. А мужчина вообще ничего не заметил, потому как потерял к Полине всякий интерес. И, продолжив путь, подплыл к лестнице.

Он и сам не заинтересовал Полину как мужчина. Грубые черты лица, толстые щеки, глубокие носогубные складки, тяжелый подбородок, небольшое пигментное пятно на виске — признак надвигающейся старости. И седина у него с оттенком желтизны. Но все же обида надавила на грудь. Если даже такой мужчина не придавал ей значения, то нужно проститься с шансами на женский успех в курортной жизни.

Полина вздохнула, глядя на мужчину, который поднимался по лестнице, подтягиваясь на сильных руках. И лишний вес в нем чувствовался, и живот

приходилось втягивать, но не толстый, не мягкотелый. Но ей-то какое до этого дело? Она ему не нужна, а он ей и подавно. Пусть катится к своей жене...

Полина кивнула, разговаривая сама с собой. И у этого дяденьки могла быть жена, и у соседа, а мужчины не все сволочи. Но хватало и таких, которые стреляли взглядами в женщин, даже когда вторая половина грелась под боком. По пути к своему шезлонгу Полина столкнулась с двумя такими женатыми стрельцами. Не очень приятно было ловить на себе потные мужские взгляды, но настроение от этого, как ни странно, приподнялось. Жаль только, разболелась нога.

В пляжный медпункт Полина обращаться не стала, немного повялилась под солнцем с закрытыми глазами и, когда боль стихла, отправилась в номер. Привести себя в порядок — снять усталость, нанести макияж, и на ужин в лучшем виде. И совсем не важно, клюнет на нее кто-то или нет, главное, почувствовать себя женщиной.

Полина прихорашивалась долго и тщательно, навела, что называется, красоту, принарядилась, но, увы, из всего это вышел пшик.

Не успела она выйти из своего номера, как из соседнего появился отталкивающей внешности мужчина с красным от солнца и пива лицом. А если точнее, от пива на солнце. Пивной перегар ни с чем не перепутаешь. Куда сложнее отличить платину от хорошего серебра, именно поэтому Полина не взялась бы сказать, из чего сделана цепочка на его толстой шее.

Сначала он смерил Полину придирчивым взглядом, недовольно цокнув при этом языком, затем движением руки показал на открытую дверь у себя за спиной:

— Ну чего стоишь? Заходи!

От возмущения Полина хватанула ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. С чего это она должна идти в номер к этому толстопузому боро-ву? А он действительно похож был на свинью как повадками, так и комплекцией. Крупный, толстый, глазки маленькие, заплывшие жиром, нос крупный с приплюснутым кончиком.

— Глянь пойдя, что там творится! — Он снова кивком показал на свой номер.

Полина едко усмехнулась, вспомнив руку с темными подсвеченными часами, обладатель которых не хотел ждать какого-то Лешу. И, возможно, уложил в постель его жену. Еще Полина помнила, как звучал мужской голос из приоткрытой двери. С ней сейчас разговаривал совсем другой мужчина. Может, он сам что-то и натворил, застав жену с любовником. Возможно, там трупы в номере, и не надо вляпывать Полину в эту историю.

— Чего тебе смешно? — Физиономия у Леша, если это был он, стала еще красней, хотя, казалось бы, куда уж больше.

Мужлан, казалось, едва сдерживался, чтобы не наброситься на Полину.

— Я сейчас охрану вызову! — пригрозила она.

Можно было убежать от этого недоумка, но бо-соножки на каблуках, а крем на ногах не совсем еще впитался — как бы не споткнуться. К тому же

сама по себе попытка к бегству могла окончательно взбесить буйнопомешанного. Впрочем, к этому же могла привести и просто угроза, а слово уже сказано.

— Какую охрану?! Тебя же уволят! — оторывнув перегарный воздух, ухмыльнулся Леша.

— Уволят?!. — Наконец-то Полина все поняла. — Я не горничная! Это обычный номер!

Она показала карточку, с помощью которой открывала дверь в свой номер.

— И ты обычная?

— И я обычная.

— Ну, если обычная, заходи!

Леша схватил Полину за руку, потащил в номер. Она знала, как нужно поступать в таких случаях, но указательный палец у мужлана был толстым, как сарделька, Полина едва не лопнула от натуги, пока взяла его в захват. Она оттянула палец вверх до упора, заставив хама вскрикнуть от боли. И разжать руку.

Ему это не понравилось, он толкнул Полину в плечо, она упала.

— Помогите! — громко крикнула она.

— Да чего ты? — скривился хам. — Я же заплачу!

Он шагнул к Полине медленно, а нагнулся быстро и, схватив ее за руку, резко потянул на себя. Он не помогал ей подняться, просто волок в свое логово.

— Пятьсот баксов за все! — сказал он.

— Помогите!

— Уговорила, штуку!

Полина упиралась, даже смогла укусить насильника за руку, но все-таки оказалась у него в номере. Он швырнул ее на пол, потянулся к двери, но закрыться не успел.

— Что здесь происходит? — жестко спросил мужской голос.

В номер стремительно входил чернявый из соседнего люкса. На этот раз он просто не мог не заметить Полину, которая поднималась с пола, оправляя платье. Но и Леша смотрел на нее — как на свою законную добычу, которую у него собирались отобрать.

— А ну вали отсюда! — набросился он на непрошеного гостя.

— Да?! — Чернявый даже обрадовался, вскинул вверх руки, сжимая кулаки.

Он, казалось, хотел взлететь, чтобы наброситься на противника с ястребиной высоты. Он чувствовал себя орлом, но не взлетел, не было у него для этого крыльев.

— Ну держись! — взревел Леша.

И, стремительно шагнув к противнику, размахисто махнул рукой. Мужчина увернулся от летящего в голову кулака, но в ответ ударить не рискнул. Он вел себя вовсе не трусливо, как раз наоборот, но Полине почему-то показалось, что ему не хватало уверенности в своих силах.

— Ну иди сюда!

Леша ударил ногой, и чернявый отскочил от него. Леша за ним, он от него. Полина тоже вскочила в коридор.

— Помогите! — крикнула она.

Ее сосед и хотел бы ответить ударом на удар, но что-то ему мешало, возможно, страх испортить свою внешность. Но в целом он держался очень достойно. И с легкостью уходил от ударов. И при этом героически улыбался.

А со стороны общего холла в коридоре появился еще один уже знакомый — пожилой седовласый мужчина. Такой же тяжеловесный, как Леша, но уж куда более располагающей внешности. Походка твердая, напористая, как у должностного лица, который, кровь из носа, должен остановить безобразие. Возможно, это был начальник охраны отеля, хотя наряд у него определенно пляжный — шорты, рубаша с якорями, бутафорская фуражка с морской кокардой. Но разве сотрудник отеля не имеет права на законный выходной?

Седовласый не церемонился с дебоширом, стремительным шагом сократил расстояние до него, поймал за руку и заломил ее за спину также ловко, как сосед Полины уходил от ударов. Несколько точных и сильных движений поставили Лешу на колени. Требуя пощады, хам шлепнул по полу свободной рукой.

— Вы кричали? — спросил седовласый, слегка ослабив хватку.

Он смотрел на Полину с суровой иронией победителя.

— Слышь, ты! — шипел Леша, но руку от пола не отрывал.

— Девушку к себе в номер тащил, — кивнув на Полину, сказал чернявый.

Он был в одной рубашке, но при этом поправлял на себе воображаемый пиджак, пальцами взяв его за лацканы.

— Статья сто двадцать шестая, похищение человека, до двенадцати лет лишения свободы.

— Да я пошутил! — занервничал Леша. — Приколоться решил!

— Ему лечиться надо. — Полина покрутила пальцем у виска. И, немного подумав, уточнила: — У нарколога.

— Заявление писать будете? — спросил седовласый.

Меньше всего Полине хотелось связываться с полицией, заявления писать, на допросы ходить. Ее всего лишь в чужой номер затащили, а смотреть будут как на изнасилованную.

— Ну, если он больше не будет, то нет... — сказала она, неуверенно кивнув на Лешу.

Если он действительно больной на голову, то все может повториться.

— А мы ему голову оторвем, если будет, — сказал седовласый, усиливая нажим на взятую в захват руку.

— Да не буду!.. — заскулил Леша.

— Тогда исчезни!

Седовласый заставил его подняться и затолкал в номер, закрыв за ним дверь.

— Где-то я вас видел, — сказал чернявый.

Он обращался к Полине, но при этом косил взгляд на седовласого.

— На балконе. — Она кивком показала на свою дверь.

— Да, на балконе.

— Просто я с дороги тогда была...

Полина поморщилась. Она вовсе не обязана оправдываться перед соседом, сдержанней надо быть.

— И я вас где-то видел, — улыбнулся седовласый.

— Спасибо вам! — сказала Полина, с благодарностью глянув на него.

— Ролан!

Мужчина представился, Полина хотела назваться в ответ, но сосед по номеру ее опередил, задав довольно-таки каверзный вопрос:

— А по отчеству?

Он явно намекал на возраст собеседника.

— Ролан Борисович, — не моргнув глазом ответил седовласый.

— Максим.

— А по отчеству? — спросила Полина.

Максим для своих лет выглядел более чем хорошо, но все же он далеко не юноша, и если моложе Ролана Борисовича, то ненамного. И зря он уколол человека, который помог и ей, и ему самому. А еще Полина не прочь была отомстить Максиму за пассаж на балконе. Потому и не удержалась, уколола его им же предложенным оружием.

— Это вовсе не обязательно. — Он подмигнул ей, даже не сощурился при этом глаз.

Одной только мимикой лица подмигнул, вернее, создал ощущение.

— Тогда и я просто Полина.

Максим едва заметно повел бровью, мысленно поднимая ее на смех. Ему совершенно все равно, как ее зовут, могла бы и не представляться. Именно так Полине и следовало его понимать. Она обиделась, хотя и постаралась скрыть досаду.

— Полина, вы бы обратились в службу охраны, — сказал Ролан Борисович.

И кивком показал на видеокамеру, закрепленную под потолком над входной дверью. Служба охраны ловила ворон, но у камеры недремлющее око, и наверняка оно зафиксировало нападение на Полину. Эта запись могла стать для буйного Леши как минимум компрометирующей.

— В службу охраны? — Полина задумчиво посмотрела на Ролана Борисовича.

И он правильно понял значение этого взгляда.

— Я всего лишь следователь, — сказал он, стараясь держаться молодцом. — На пенсии. И на курорте.

— Следователь прокуратуры? — спросил Максим.

— В прокуратуре уже давно нет следователей, — с легкой иронией профессионала сказал Ролан Борисович. — В следственном комитете есть, а в прокуратуре нет.

— Я не юрист, в нюансах не разбираюсь. — Максим даже не изменился в лице. — Я не конфликтую с законом, и мне все равно, как там все устроено.

— Именно поэтому вы всего лишь уклонялись от ударов? — спросил Ролан Борисович.

Он ничуть, казалось, не осуждал собеседника, но где-то в уголках его глаз пряталась едкая ирония.

— Именно поэтому.

— Что ж, похвально.

— Если можно, я разберусь без вас, что хорошо, а что плохо. — Максим не злился, но в его словах звучал вызов.

Впрочем, Ролан Борисович не увидел в этом брошенную перчатку и снова переключился на Полину.

— Если хотите, я сам сообщу об инциденте, — сказал он.

В этот момент появилась молодая белокурая женщина в длинном сарафане без декольте, но с открытыми плечами. Видимо, такой фасон призван был подчеркнуть изящность ее ключиц и скрыть недостаточный объем бюста. Короткий «боб» обращал внимание на красоту смуглой от загара шеи. Четкий овал лица, высокие скулы, глаза небольшие, но выразительные, губы пухлые от природы. Нос непропорционально широкий, с резким закруглением на кончике, но даже с таким изъяном блондинка смотрелась в высшей степени эффектно. Высокая, стройная, изящная. Походка легкая, движения женственно-грациозные. Максим внутренне подобрался, увидев ее. И Ролан Борисович втянул живот. А Полину кольнула зависть. Хотела бы она также поднимать и вихрями вить вокруг себя волны сексуального магнетизма, от которых у мужчин электризуются не только волосы.

Полину блондинка не заметила, оставил ее равнодушной и Ролан Борисович, а на Максиме она задержала взгляд, правда, всего лишь на мгновение. Не замедляя шага, она подошла к двери в двухкомнатный люкс, приложила к считывателю карточку. Полина заметила золотые часы на ее тонком запястье и вспомнила светящийся циферблат за темным стеклом фитнес-браслета.

— Здравствуйте!

Она вовсе не собиралась обращать внимание на невежливость блондинки, просто вдруг захотелось услышать ее голос.

Женщина остановилась, повернула к Полине голову, еще раз скользнув глазами по Максиму.

— Здравствуйте.

Голос по-женски нежный, звучный. И знакомый. Полина его уже сегодня слышала — в крамольной для блондинки ситуации. Вот, значит, у кого богатая личная жизнь. И пьяный муж, который мог устроить ей скандал прямо сейчас. И даже наброситься с кулаками.

— Что-то не так? — спросила блондинка.

Она снова обвела взглядом всех, в том числе и Ролана Борисовича. Наконец-то присутствие трех человек в коротком коридоре показалось ей подозрительным.

Открылась дверь, из люкса показался Леша. С опаской глянув на Ролана Борисовича, он схватил блондинку за руку. Тянуть ее к себе не пришлось: она и сама стремилась поскорее зайти в номер.

— Нормально все! — обращаясь к ней, сказал Леша.

И громко закрыл за собой дверь, оставив после себя свежий перегарный выхлоп.

— Если нормально, то я пойду, — проводив блондинку задумчивым взглядом, проговорил Максим.

И в том же досужем раздумье глянув на Полину, скрылся в своем номере. Без него почему-то стало неловко наедине с Роланом Борисовичем, возникло желание поскорее уйти. Вдруг еще на свидание пригласит, а он вовсе не тот мужчина, который нужен Полине. Хороший он человек, надежный, основательный, но будет ли с ним интересно?.. Да и не собиралась она крутить курортный роман... Ну, если только с Максимом. Но ведь он не предложит... И очень хорошо, что с ним ничего не будет.

— Да, мне тоже нужно переодеться, — сказала она, открывая дверь.

— Может, сходим куда-нибудь вечером? — спросил Ролан Борисович.

Он тоже испытывал неловкость, но ему вовсе не хотелось отпускать Полину.

— Ну, можно, — замялась она. — Но только не сегодня. Я только что с дороги, да и на солнце, кажется, перегрелась.

— Ну, хорошо, давайте завтра, — стараясь скрыть разочарование, сказал он.

Посмотрел на нее, перевел взгляд на дверь, за которой скрылся Максим. И ушел, не дожидаясь, когда Полина закроет за собой дверь.

Глава 2

Солнце — друг, товарищ и брат, но с ним нужно на «вы». Перейдешь на «ты», получишь врага. Все это Полина знала, понимала, поэтому старалась держаться в тени. И все равно схлопотала тепловой удар, который привел ее в номер еще до полудня. Приняла душ, смыв с тела морскую соль, и легла под одеяло.

Проснулась в третьем часу, ни озноба, ни усталости, захотелось вдруг подняться, встряхнуться и бегом куда-нибудь. Полину одолела жажда деятельности, а идти она могла только на обед, время еще позволяло. После можно сходить на море или в бассейн, но на пляж Полину совершенно не тянуло. А если в горы?

Она вышла на балкон, сначала глянула на каменистый утес, а затем на дверь в соседний номер. Неплохо было бы прогуляться к обрыву вместе с Максимом, но ему это не нужно, а она не собирается навязываться и в закрытую дверь стучаться не станет.

Обеденный зал стремительно пустел, свежие блюда на раздачу больше не подавались, пришлось довольствоваться остатками роскоши. Полина не придавала еде большого значения, но ее расстроило другое. Может, зря она отказала вчера Ролану Борисовичу? Он мужчина положительный, возможно, надежный, а возраст... Она ведь тоже не очень молодая.

Но напрасно Полина надеялась застать Ролана Борисовича в столовой, пунктуальность у следователя должна быть в крови, даже если он отставной. Наверняка он уже пообедал.

К утесу за ущельем Полина отправилась одна. Чтобы защититься от солнца, надела пляжную шляпу, не пренебрегла и кремом с ультрафиолетовым фильтром.

Возле контрольно-пропускного пункта, у синего скутера с помятым крылом, под высоким раскидистым вязом стоял мужчина с узким лицом, острым носом и сильно выпирающим кадыком. Высокий, костлявый, с плотным крестьянским загаром. И с дымящейся сигаретой в заскорузлых, с грязью под ногтями пальцах. Он держал в поле зрения сразу два шлагбаума, один служил воротами в зону отеля, другой преграждал путь к автостоянке. Но это не помешало сторожу заметить Полину.

— Куда собралась, красавица?

Охранник сощурил глаз, как будто собирался подмигнуть ей. Может, и собирался, но не решился. Как-никак он лицо должностное и не должен грубить постояльцам отеля. А «красавицу» можно

списать на комплимент, хотя и включить в категорию излишеств.

— А вам не все равно?

Полина не обиделась, но и расплываться в улыбке, как простушка, не стала.

— Если к скале, то нет. — Мужчина кивком показал как раз в ту сторону, куда она собиралась идти.

— А почему к скале?

— Да всех туда тянет.

— Кого это всех?

— Ну, кто-то просто ходит, а кто-то прыгает.

Мужчина резко опустил руку с тлеющей в ней сигаретой, пепел слетел с кончика, ветер подхватил сгусток золы и развеял в пыль перед самым лицом Полины.

— Куда прыгает? — спросила она, махнув ладонью перед своим носом.

— Куда, куда... С этой скалы раньше людей сбрасывали в жертву богам.

— Это раньше.

— Сейчас люди сами себя в жертву приносят...

Мужчина шутиливо улыбался, но в голосе при этом угадывалось напряжение, какое может возникнуть в серьезном разговоре о страшных вещах.

— Не знаю, о чем они там думают, когда прыгают. Там сто с лишним высоты, костей не соберешь... У вас как там с личной жизнью? — неожиданно спросил сторож.

Полина поняла, к чему он клонил, и поспешила заверить его в своем позитивном отношении к жизни.

— Нормально все.

— Ну, если нормально, тогда идите... Только там проход закрыт.

— В смысле закрыт?

— Там ведь мост уже совсем старый, доски гнилые, убиться можно. Да и со скалы прыгают, черти... Черти?! Я так и сказал? — улыбнулся мужчина, обнажая кривые и коричневые от никотина зубы.

— Так и сказали.

— Чертов мост, черти прыгают... Ну да, чертовщина там и раньше случалась. Знаешь, кто такие удды?

— Нет.

— Я тебе потом расскажу. Если вернешься, — понизив голос, траурно тихо сказал сторож.

— А могу и не вернуться?

Полине вдруг захотелось повернуться к нему спиной и бежать в номер. Надеть купальник — и на пляж. Лучше жариться на солнце, чем водиться с чертовщиной.

— Страшно? — спросил сторож, проникательно глядя на нее. И, не дожидаясь ответа, сказал: — Если страшно, можешь идти. Если страшно, ничего не случится.

— Там же проход закрыт.

— Тропинка есть, сразу за поворотом. Орешник там, пышный такой!.. — Мужчина развел руками, показывая, насколько большие кусты ждут Полину.

Она могла повернуть назад, но сторожа, казалось, такой вариант уже не устраивал. Он больше

не отговаривал Полину, напротив, чуть ли не заставлял ее идти к страшной чертовой скале. Через Чертов мост. А путь несложный, говорил он, все время по тропинке, вниз к обмелевшей реке, затем снова вверх до развилки, там свернуть влево и дальше по прямой до самого утеса.

— А кто такие удды? — спросила Полина, когда сторож закончил с маршрутом.

— Ведьмы, колдуны, — небрежно махнул рукой мужчина. — Черкесские народные сказки, третий класс детского сада!

— А вдруг эти сказки на самом деле существуют?

— Конечно, существуют! Иди с детством поиграйся!

— А это неопасно?

Охранник нахмурился, смерив Полину взглядом, вздохнул и махнул рукой в сторону главного корпуса. Разочаровала она его, жаль потраченного на нее времени.

— Ну, если неопасно, пойду гляну, что там.

Мужчина пожал плечами, молча полез в карман за сигаретами. И когда Полина была уже далеко, бросил ей вслед:

— На самый край не становись. И вниз не смотри.

И снова страх запустил в душу свою холодную руку. Но Полина не остановилась. Метров двести прошла по хорошей асфальтированной дороге, по солнцу, затем свернула на широкую тропку, а там приятная тень и даже прохлада. Щebet птиц, стрекот кузнечиков, шелест листвы и даже шорох

волны по пляжной гальке, хотя море находилось относительно далеко. Ни людей не слышно, ни машин, как будто цивилизация умерла, канула в Лету. Осталась только дикая природа, которая и разговаривала сейчас с Полиной. И если в этой природе существовали злые колдуны, ведьмы и прочая нечисть, то это естественно и совсем не страшно. Но нервы пощекотать можно, это даже приятно.

Полина не торопилась и решила не сворачивать у орешника, а пройти к Чертову мосту, посмотреть на него, ощупать ногой деревянный настил. Для первого раза и этого хватит, а завтра, если не спадет кураж, можно будет отправиться к чертовой скале.

А орешник действительно представлял собой пышные заросли, плоды на нем — в зеленой пока что скорлупе. Увидела Полина и тропинку, которая уводила в кизилловые кусты. Дорожка эта шла под уклон вниз, а затем — резко вверх, и так вдруг захотелось пробежаться по этой гиперболе. Как будто сам леший за руку взял.

Полина не смогла удержаться от искушения, ступила ногой на тропку, оттолкнулась и побежала — сначала вверх, затем вниз, как будто на американских горках прокатилась. Или на чертовых?

Ветер усилился, лес зашелестел громче. Возможно, это удды перешептываются, рассуждают, как лучше заманить жертву в свои сети. А может, змеи ползут, собираясь в стаю — для нападения.

Тропинка резко пошла вверх, под ногами зашуршал камень, подъем утомил, Полина уже ду-

мала повернуть назад, когда начался спуск через ежевику, липко-колючие стебли которой хватали за лодыжки. Хорошо, в этот поход Полина собралась не с бухты-барухты и джинсы надела, и кроссовки. Все ноги уже в колючках чертополоха, но это не беда.

Она спустилась к реке, от которой действительно остался тонкий ручеек, булыжные камни расплзались под ногами, но это не помешало ей пересечь русло и найти тропинку, которая вела к чертовой скале.

И еще она увидела Чертов мост — протянутые через ущелье стальные тросы с деревянным на них настилом, который напоминал нездоровые зубы в широком оскале. Частью доски гнилые, частью выдраны, а на самой середине моста и вовсе образовалась непроходимая брешь.

И снова начался подъем, крутой, тяжелый, по каменистой тропе. Но поворачивать назад было уже поздно, жалей потом о бездарно потраченном времени.

Тропинка действительно вывела к чертовой скале, огромным камнем выступающей из горы как в сторону моря, так и вверх. Подернутый мхом и дерном валун изобиловал вкраплениями меловой породы, от чего казался белым как на расстоянии, так и вблизи.

Этот белокаменный постамент мог стать для Полины наградой за тяжелый переход, но на самом его краю, на полукруглой «лысине» камня стоял мужчина в пробковом шлеме и с банкой пива в руке. Толстая шея, широкие жирные пле-